Ткань
Города
Роман Кубов
18+

Роман Кубов
Ткань города

https://litres.ru/74700689
SelfPub; 2026

Аннотация

Город Валентре стоит на ткани: полотно вплетено в семь столпов и держит ветер, воду и камень. Ткань латает Хранитель, которого выбирает совет. Отбор идёт семь недель — семь испытаний, семь претенденток, шесть дочерей цеховых старшин и одна лишняя строка внизу списка: Лея Марр, ткачиха из Нижнего квартала, мастерская на две рамы и долг в четыреста марок.

Её вписали по ошибке, но ошибку можно исправить, только выйдя из отбора, а вышедший теряет место. Лея остаётся — и приносит в отбор то, чего нет ни у одной из семи: умение слушать нить ладонью. В пяти столпах нить уже глухая: машинная, ровная, дешёвая, она держит камень и не держит воду, и кто-то два года вшивает её в город по куску.

Чтобы вынуть испорченное, нужны ночь, семь женщин, восемь вёрст по старому руслу под четырьмястами домами и согласие города, которого не спрашивали триста лет.

Содержание

Глава 1. Имя в списке 4
Глава 2. Семь и одна 12
Глава 3. Восемь часов 20
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Ткань города

Глава 1. Имя в списке

Полотно в мастерской пахло мокрой шерстью и уксусом, и Лея Марр знала этот запах лучше, чем запах собственной кожи.

Она стояла у станка с четырёх часов утра. К восьми на раме лежало полтора локтя основы, ровной, как вода в шлюзе, и Лея уже дважды перевязала третью нить, потому что та лохматилась. Нить была старая, из отцовских запасов, и в ней попадались узелки. Узелки в основе — это как узелки в мыслях: пока их не видно, всё идёт, а потом полотно встаёт косо, и хоть выбрасывай.

— Лея, — сказала Тилла от двери. — Ты слышишь?

— Слышу.

— Ничего ты не слышишь. — Тилла вошла, поставила на стол корзину с хлебом и луком и вытерла руки о передник. — Я третий раз говорю.

— Тогда говори в четвёртый.

Тилла работала кухаркой в Речном квартале, у харчевни «Три весла», и знала новости раньше, чем их успевали вывесить. Она приносила их вместе с хлебом — так у них повелось ещё с тех пор, когда Лея была девчонкой, а Тилла уже умела торговаться.

— Совет объявил отбор, — сказала Тилла.

Уток в руке Леи остановился.

— Когда объявил?

— Вчера к вечеру. Список вывесили на Соборной площади, утром уже читали вслух. Семь имён, семь претенденток. Через неделю первое испытание.

Лея положила челнок на раму и вытерла пальцы о фартук.

— Ну и хорошо, — сказала она.

— Хорошо?

— Хорошо, что объявили. Ткань держится восемь часов после заплаты, Тилла. Восемь. Я это вижу по станку, а станок у меня в Нижнем квартале, где полотно провисает сильнее всего. Мне не нужно ходить к столпам, чтобы понимать: город держится на честном слове и на моей третьей нити.

Тилла села на табурет и посмотрела на неё так, как смотрят на человека, который сказал что-то правильное и очень глупое.

— А теперь послушай, что я скажу, — произнесла она. — Список составлял совет. Семь имён. Все семь — из Верхнего квартала и из Соборного, дочери цеховых старшин, мастерицы с порукой. И восьмое.

— Восьмое?

— Восьмое, — сказала Тилла. — Внизу, отдельной строкой, приписанное другим почерком: «Лея Марр, ткачиха, Нижний квартал, мастерская Марр».

В мастерской стало тихо. За окном кто-то катил бочку по

камням; бочка подпрыгивала на стыках, и звук был как счёт.

— Это ошибка, — сказала Лея.

— Я тоже так подумала.

— В списках бывают ошибки. Писарь взял имена из книги долгов: я там на второй странице, четыреста марок, просрочено две недели. Он вписал меня по ошибке.

— Писарь вписал тебя в список претенденток, — сказала Тилла. — Не в список должников. В претендентки, Лея. Отдельной строкой, внизу. Люди уже смеются: мол, до совета дошло, что ткань держат не по родословной.

Лея взяла со стола ножницы и положила обратно. Потом взяла снова.

— Я пойду посмотрю, — сказала она.

— Посмотри, — согласилась Тилла. — Только, Лея, имей в виду: если имя в списке, то выйти из отбора можно, только потеряв место. Это правило совета. Кто вышел — тот больше не держит мастерскую.

— У меня и так её отберут через две недели.

— Тогда, — сказала Тилла, вставая, — у тебя есть две недели, чтобы стать Хранителем и не отдавать никому ничего.

* * *

Соборная площадь была полна.

Лея пришла в полдень, в рабочем фартуке, с синими от индиго пальцами. У столпа с объявлением стояли те, кто пришёл смотреть, и отдельно те, кого привели смотреть на

них. Дамы из Верхнего квартала носили платья цвета старого вина и перчатки, у которых каждый палец был отдельным произведением.

Объявление висело на доске под стеклом. Бумага плотная, с восковой печатью совета, буквы ровные:

«Совет города Валентре объявляет отбор Хранителя ткани. Семь недель, семь испытаний. Претендентки: Ясна Корв, дочь цехового старшины; Ольвина Кресс; Мирада Эль; Керта Донн; Ирма Вейс; Вила Сорн; Лея Марр».

Восьмой строкой, внизу, приписано другим почерком — тонким, торопливым: «Исправлено по книге мастерских».

Лея читала эту строку долго.

— Ошибка, — сказала она вслух.

— Боюсь, что нет, — ответил кто-то за её спиной.

Она обернулась.

Мужчина был высокий, в тёмно-сером кафтане без вышивки, с узкой папкой под мышкой. Лицо у него было спокойное и очень усталое, как у человека, который давно не спит и давно привык, что его за это не благодарят. На левой руке, у большого пальца, белел старый шрам — тонкий, ровный, длиной в два сустава.

— Вы кто? — спросила Лея.

— Дариан Вельт, распорядитель отбора, — сказал он. — И мне нужно с вами поговорить до того, как начнётся неделя.

* * *

Кабинет распорядителя был в Соборном доме, на втором

этаже, и в нём пахло бумагой и мылом.

Дариан Вельт положил папку на стол и открыл её.

— Восемь претенденток, — сказал он. — В списке семь.

— Значит, вы уже нашли ошибку.

— Я нашёл не ошибку. — Он перевернул лист и повернул к ней. — Смотрите. Список готовили четыре недели. Семь имён, все с поручительством цехов. За день до вывешивания внизу появилась восьмая строка, и подпись под ней — писаря Кеста.

— И что?

— И то, что Кест не имеет права вписывать претенденток. — Дариан сложил руки на папке. — Он вписывает должников, ремёсленников и вызовы в совет. Он может вписать вас в список мастерских, у которых отбирают место. Он не может вписать вас в отбор.

Лея села на стул, потому что ноги у неё вдруг сделались не её.

— Вы хотите сказать, что кто-то сделал это нарочно.

— Я хочу сказать, что кто-то воспользовался молодым писарем и его почерком. — Дариан помолчал. — И я хочу понять, зачем.

— Затем, что я хорошая ткачиха, — сказала Лея.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде не было ни насмешки, ни удивления.

— Насколько хорошая?

— Достаточно, чтобы мастерская моего отца держалась

одиннадцать лет после его отъезда, — сказала она. — И достаточно, чтобы понимать: ткань в Нижнем квартале истончилась на два пальца, а в Верхнем — ни на один. Это значит, что латали не там, где рвётся.

Дариан Вельт закрыл папку, и Лея успела заметить, как коротко, очень коротко у него дёрнулась рука.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь слушайте правила. Их три, и они не обсуждаются.

— Слушаю.

— Первое: распорядитель не помогает никому. Ни советом, ни словом, ни молчанием. Если я подам вам руку, отбор перестанет быть отбором, и город получит Хранителя, которому не верит.

— Разумно.

— Второе: претендентки не сближаются друг с другом и со мной. Ни ночей, ни разговоров сверх испытаний. — Он сказал это ровно, как читают по бумаге, но на слове «ночей» остановился на полвздоха. — Это правило старое и глупое, но совет держится за него триста лет.

— Почему?

— Потому что Хранитель не должен делить нить, — сказал Дариан. — Нить одна. Если её делят двое, она рвётся у обоих.

Лея хмыкнула.

— А третье?

— Третье: вышедший из отбора теряет место, — сказал

он. — Вы можете уйти сейчас, до начала недели. Тогда ваше имя снимут по ошибке писаря, а мастерская останется вашей, и долг будет ваш, и никто не скажет, что вы испугались.

Лея посмотрела на его шрам, на папку, на окно, за которым площадь гудела.

— Господин Вельт, — сказала она. — Сколько вы были распорядителем?

— Девять лет.

— И сколько человек за девять лет ушли до начала?

— Ни один, — сказал он.

— Вот и я не уйду. — Лея встала. — Не потому, что я храбрая. Потому что через две недели у меня отберут мастерскую за долг, а в отборе у меня есть семь недель и есть шанс. Это несложная арифметика, господин Вельт. Даже писарь бы справился.

Впервые за весь разговор он улыбнулся — коротко, будто это движение было ему непривычно.

— Тогда, — сказал он, — до первого испытания семь дней. Приходите в понедельник к семи утра, к северному столпу. И, госпожа Марр, — он открыл дверь, — приходите в своей одежде. В отборе ценится не перчатка, а рука.

* * *

Дома Лея просидела до полуночи на полу мастерской, среди мотков, и считала.

Четыреста марок долга. Две недели до срока. Семь недель отбора. Семь испытаний, семь претенденток, семь столпов,

на которых держится ткань.

Она пересчитала ещё раз: если она не станет Хранителем, через две недели станок, рамы и полтора локтя основы уйдут с молотка в Речном квартале, и она пойдёт в подмастерья к чужому мастеру. Честно — и конец.

А если станет — она будет одна держать нить, которую до неё держала Туве двенадцать лет, и которая сейчас истончилась на два пальца.

Лея легла на пол, подложив под голову свёрнутое полотно, и долго смотрела в потолок, где между балками висела старая паутина с дырой посередине.

— Латать надо не там, где красиво, — сказала Лея в потолок. — Латать надо там, где рвётся.

Потолок не ответил. За окном Речной квартал гасил огни, и на Соборной площади, под стеклом, висел список из восьми имён, последнее из которых вписали ночью, чужой рукой, по чужой надобности.

Лея повернулась на бок и закрыла глаза, и перед сном успела подумать одно: кто-то очень хотел, чтобы в этом отборе была ткачиха из Нижнего квартала.

Оставалось понять — зачем.

Глава 2. Семь и одна

Северный столп стоял на краю Речного квартала, у самой воды, и был он не похож на башню, как думают приезжие, а похож на колодец, сложенный из серого камня и накрытый сверху деревянным шатром.

Лея пришла к семи утра, как велено. У столпа уже стояли шестеро.

Она сразу узнала Ясну Корв — дочь цехового старшины, в тёмно-синем платье без единой складки, с косой, уложенной так, что на это ушло, наверное, полтора часа. Ясна держалась прямо и смотрела на всех с вежливым любопытством человека, которому с детства говорили, что он будет первым, и который до сих пор в этом не сомневался.

Рядом стояла Ольвина Кресс, старше всех, лет сорока, с руками, изрезанными, как карта, и с корзиной мотков.

Мирада Эль и Керта Донн держались вместе, как соседки по скамье: без дружбы, но и без вражды. Ирма Вейс то снимала с руки нитяной браслет, то надевала снова.

А в стороне, у воды, стояла девушка в платье, великом ей на размер, и держала руки так, что было видно: она не знает, куда их деть: Вила Сорн, девятнадцать лет.

Дариан Вельт вышел из шатра ровно в семь и встал так, чтобы его видели все.

— Доброе утро, — сказал он. — Я распорядитель отбора,

меня зовут Дариан Вельт. Правила вы знаете. Я повторю их один раз, чтобы потом не было разговоров.

Он говорил спокойно, без нажима, и от этого его слушали.

— Отбор длится семь недель. В каждой неделе одно испытание. Кто не проходит испытание — выходит из отбора и теряет место. Кто выходит сам — теряет место и уходит. Распорядитель не помогает никому. Претендентки не сближаются ни между собой, ни со мной. — Он сделал короткую паузу. — Испытания будут проходить при городе. Совет считает, что Хранителя надо выбирать открыто, а не в кабинете.

— А совет не считает, что открыто — это когда все смотрят и никто не помогает? — спросила Ольвина Кресс, и в её голосе не было ни капли почтения.

— Совет считает, что открыто — это когда все смотрят, — ответил Дариан. — Что при этом думают смотрящие, совет не уточнял.

Кто-то фыркнул. Лея не поняла кто, потому что смотрела на столп.

Столп был старый. Камни в нём лежали плотно, но между двумя верхними швами пробивалась трава, и это значило, что шов разошёлся. Лея прикинула: если шов разошёлся на палец, то нить внутри провисла на два, а провисшая нить не держит ветер — она его ловит.

— Первое испытание, — сказал Дариан, — ветер. Сегодня к полудню с реки придёт северный ветер, он будет идти шесть часов. Столп держит нить. Нить держит ветер. Ваша

задача — удержать нить так, чтобы к вечеру шов на столпе не разошёлся больше, чем на палец.

— А если разойдётся? — спросила Вила.

— Тогда мы это увидим, — сказал Дариан, — и запишем.

— И всё?

— И всё, — сказал он. — Столп не рассыплется за вечер. Если бы он рассыпался, был бы срочный ремонт и очередь желающих заработать.

По толпе прошёл смех, и Лея поняла, что Дариан Вельт девять лет делает эту работу и умеет снимать страх, не обещая ничего хорошего.

— Внутрь пускают по одной, — продолжил он. — По часу. Порядок — по списку. Первая — Ясна Корв.

* * *

Лея сидела на камне у воды и слушала.

Слышно было плохо: ветер шёл с реки. Но из шатра доносилось, как кто-то двигается — тихо и уверенно, как ходят люди, которым не надо объяснять, где что лежит.

Ясна вышла через час.

Лицо у неё было спокойное, а руки — в пыли, и на левом рукаве темнело пятно.

— Ну? — не удержалась Ирма.

— Шов держится, — сказала Ясна. — Я подтянула верхнюю прядь и закрепила на третьем крюке. — Она отряхнула руки. — Только там нить идёт не по камню. Она идёт по камню и уходит в шов. Если шов разошёлся, значит, её тя-

нули не туда.

Дариан записал что-то в папку и не ответил.

Второй была Ольвина. Она вышла через час и сказала только: «Держится», и села на своё место с видом человека, который сделал работу и не собирается её обсуждать.

Третьей — Мирада Эль. Она вышла раньше срока и с ободранной ладонью.

— Нить ушла вниз, — сказала она глухо. — Я её подхватила, но она ушла вниз и там застряла.

— Это не провал, — сказал Дариан. — Это запись. Идите, Мирада. Вам перевяжут руку.

Четвёртой — Керта Донн: полтора часа и довольное лицо.

Пятой — Ирма Вейс: вышла в слезах, но не сказала ни слова и с площади не ушла.

Шестой — Вила Сорн.

Лея смотрела, как девушка идёт к шатру: спина прямая, шаг мелкий, руки прижаты к бокам, будто она боится что-нибудь задеть. У входа она остановилась.

— Господин Вельт, — сказала она. — А если я не смогу?

— Тогда вы выйдете и скажете об этом, — ответил он. — Это тоже ответ.

Вила вошла.

Потом прошло полчаса, и из шатра донёсся глухой короткий стук: уронили моток. Лея встала.

— Сидите, — сказал Дариан, не поворачивая головы.

— Там что-то упало.

— Внутри столпа падает многое. Старое дерево и старый камень.

— Она там одна.

— Она там претендентка, — сказал Дариан. — И если я войду, я нарушу первое правило. А если вы войдёте, вы нарушите второе.

Лея села обратно.

Ещё двадцать минут внутри что-то скрипело, и Вила говорила сама с собой — тихо и ровно, как уговаривают ребёнка.

Вила вышла через час: платье в пыли, коса растрёпана, глаза сухие.

— Я не удержала, — сказала она. — Нить провисла, и я её подвязала. Плохо. Господин Вельт, я не удержала.

— Вы её подвязали? — переспросил Дариан.

— Я не знала, что делать. — Вила сцепила руки. — Она провисла, и я подумала: если провиснет сильнее, к вечеру её сорвёт, и шов разойдётся на два пальца. Я подвязала. Может, неправильно.

Дариан долго смотрел на неё.

— Идите, Вила, — сказал он наконец. — Посмотрим вечером.

Последней была Лея.

* * *

Внутри было темно и пахло старым деревом, в которое давно не заглядывали: пылью, смолой и чем-то кислым. Лея постояла, давая глазам привыкнуть.

Нить шла от крюка на левой стене к крюку на правой — толстая, в три пальца, свитая из шерсти и конского волоса, натянутая неровно: с одной стороны туго, с другой провис. В провисе лежало узкое место, потёртое до блеска и тоньше на треть.

Лея подошла и тронула её. Нить ответила тем самым чувством, которое её учил ловить старый Орм: как будто под кожей натянули струну и держат, и ты слышишь её ладонью.

Нить была усталая.

Она не собиралась рваться. Она просто устала — как устаёт верёвка на колодце, которую десять лет тянут в одну сторону.

— Тебя тянули в одну сторону, — сказала Лея. — Десять лет, а может, двадцать. И тот, кто тебя тянул, не смотрел, где ты трёшься.

Она обошла столп кругом, осмотрела крюки, потрогала шов. Потом села на пол и стала ждать ветра.

Ветер пришёл в четверть двенадцатого.

Сначала он просто гудел в шатре, и нить чуть качнулась. Потом надавил, и провис выбрал слабину, и в узком месте — Лея слышала это всей ладонью — нить заскрипела.

Тогда она сделала то, что делала всю жизнь со старыми основами: стала отпускать.

Она перехватила нить ниже потёртого места, освободила от одного крюка и перевела на пустой второй, и дала провису уйти вниз, к полу, где нить не тёрлась о камень. Ветер на-

давил снова — и нить не заскрипела: она выбрала слабину внизу и легла на деревянную подушку, которую кто-то давно вбил в пол.

Лея посмотрела на эту подушку и села обратно.

— Вас тут двое было, — сказала она нити. — Один вбил подушку. Другой про неё забыл.

К вечеру ветер стих. Лея вышла, и Дариан Вельт поднял голову от папки.

— Ну? — спросил он.

— Шов не разошёлся, — сказала Лея. — Провис я перевела на нижнюю подушку. Нить по-прежнему потёрта в одном месте, и если её не перевить к весне, к осени она порвётся там же, где тёрлась.

Вокруг стало тихо.

— Подушка, — повторил Дариан. — Нижняя подушка в северном столпе. Она там есть?

— Есть. — Лея пожала плечами. — Вбита в пол, аршин от стены, под провисом. Я думала, это мусор.

Дариан закрыл папку. Пальцы у него чуть дрожали — так дрожат руки у человека, который много пишет.

— Госпожа Марр, — сказал он, — подушку в северный столп вбил я. Десять лет назад. Я был претендентом и не прошёл, и тогда мне сказали, что провис переводить нельзя, потому что так не делают. — Он помолчал. — Мне сказали это на площади, при людях.

Лея посмотрела на его шрам у большого пальца и не ска-

зала ничего.

— Итог первого испытания, — сказал Дариан громко, чтобы слышали все. — Прошли: Ясна Корв, Ольвина Кресс, Керта Донн, Лея Марр. Вила Сорн — остаётся, потому что подвязала нить и сохранила шов, и это решение распорядителя. Мирада Эль и Ирма Вейс — уходят.

Мирада встала без удивления. Ирма заплакала — тихо, аккуратно, вытирая глаза тыльной стороной руки.

А когда все начали расходиться, к Лее подошла Ясна Корв.

— Госпожа Марр, — сказала она. — Вы сказали про подушку раньше, чем вошли.

— Я не говорила про подушку.

— Вы сказали: латать надо там, где рвётся. Мне это передали: мой отец сидит в совете, а в совете пересказывают всё. — Она чуть наклонила голову. — Я собираюсь выиграть. Но не за вашей спиной.

Лея вытерла руки о фартук.

— Тогда у нас будет честный отбор, — сказала она.

— У нас будет тяжёлый отбор, — поправила Ясна и ушла, и её коса качалась ровно, как маятник.

Глава 3. Восемь часов

На следующее утро Лея пришла к столпу в шесть, за час до назначенного, и обнаружила, что не она одна такая.

Ольвина Кресс сидела на камне у воды и чинила моток. Она посмотрела на Лею, кивнула и подвинулась, освобождая место.

— Рано, — сказала она.

— Привычка.

— Привычка — это когда ты не помнишь, зачем, — сказала Ольвина. — А я помню. У меня мастерская на Речном, восемь подмастерьев, и если я не стану Хранителем, весной они пойдут по домам. — Она подтянула узел. — Четверо из них — мои.

— Дети?

— Подмастерья, — сказала Ольвина. — Дети у меня взрослые, у них свои станки. Подмастерья хуже детей, они верят, что я знаю, что делаю.

Лея села рядом и опустила руки в воду — привычка с детства, вода в Стреже холодная и пахнет тиной.

— Ольвина, — сказала она. — Сколько лет северному столпу?

— Сто тридцать, — ответила та, не задумываясь. — Его ставили после второго потопа, вместе с южным и западным. Восточный поставили раньше, он вообще самый старый, но

его переложили.

— А когда на нём нить меняют?

— Раз в год, на весеннем совете. Приходит Хранитель, крюки осматривают, нить перевивают, всё записывают.

— И что записывают?

Ольвина прищурилась.

— А вот это хороший вопрос, — сказала она. — Я его задавала дважды. Мне дважды ответили, что записывают то, что положено.

* * *

Испытание второго дня было поставлено иначе.

Дариан пришёл со свитком, и на этот раз рядом с ним шёл человек в сером — невысокий, с лицом, как у человека, который всю жизнь считает, — и держал перед собой раскрытую книгу.

— Совет направил своего писаря, — сказал Дариан. — Испытания записываются в книгу, книга идёт в архив.

— Меня зовут Кест, — сказал писарь, и голос у него сорвался. — Простите. Меня зовут Кест, я буду записывать.

Лея посмотрела на него внимательно. Тот самый Кест. Тот, чьей рукой вписали её имя в список.

Он выглядел на двадцать три года, у него было круглое лицо и красные, не выспавшиеся глаза, и он очень старался не смотреть на Лею.

— Второе испытание, — сказал Дариан. — Вода.

Все обернулись к реке.

— Сегодня ночью на Стреже открыли шлюзы выше по течению, — продолжал он. — К вечеру вода поднимется на два локтя. В Нижнем квартале три подвала стоят ниже линии, там сухо круглый год, потому что столп держит воду. Ваша задача — удержать воду по ту сторону подвалов и не пустить её на столп.

— Как именно? — спросила Керта Донн.

— Как умеете, — сказал Дариан.

Это был, решила Лея, честный ответ и очень неприятный.

* * *

Первой в подвал шла Ясна.

Она вышла через час и сказала:

— Вода стоит. Я поставила щиты на втором спуске и закрепила нитью.

Второй шла Керта. Она вышла рано и объявила:

— Вода стоит.

Третьей — Ольвина. Она вышла через полтора часа и вытирала руки о передник с таким видом, будто вывернула чужие карманы.

— Вода стоит, — сказала она. — Но она стоит потому, что я заперла спуск, а не потому, что столп держит. Господин Вельт, второй спуск забит старой штукатуркой, там водосток с восьмидесятых годов, и его никто не чистил. Если вода поднимется выше локтя, она не пойдёт мимо, она пойдёт внутрь.

Дариан записал.

— Госпожа Кресс, — сказал он, — вы сейчас рассказали собственное испытание засову и поливщику. Я обязан это записать.

— Записывайте, — сказала Ольвина. — Я не про отбор. Я про город.

Четвёртой шла Вила Сорн, и Лея поняла, что волнуется зря: девушка шла в подвал, как идут в чужой дом, где всё такое же, но расставлено иначе.

Она вышла вовремя, сказала «вода стоит» и села. Руки у неё дрожали.

— Вила, — сказала Лея, не удержавшись. — Ты в порядке?

— Да, — сказала Вила. — Она стояла ровно. Я не трогала её, правда. Я не трогала.

Последней в подвал шла Лея.

* * *

Подвал был длинный и низкий, с кирпичным полом и четырьмя столбами, на которых лежали балки. На втором спуске, где сходились две стены, уже трясло воду — тонкая плёнка шла по кирпичу и впитывалась в шов.

Лея присела и положила ладонь на пол.

Нить проходила под полом. Она была здесь не такая, как в столпе: тоньше, и в ней была натянута третья прядь, жёсткая, как сухая жила. Лея потянула за эту прядь мысленно, и снизу, из-под кирпича, пришёл ответ — далёкий, глухой, будто из-под воды.

— Ты устала, — сказала Лея. — Тебя дёргают за одну прядь, а ты держишь всё.

Она встала и пошла вдоль стены, и на четвёртом столбе нашла то, чего не ожидала: свежий затес. На балке, у самой стены, дерево было снято ножом — небольшая площадка, как сиденье, и на ней лежал кусок мешковины.

Кто-то приходил сюда и что-то здесь делал. Недавно.

Лея села на корточки и потрогала затес. Дерево пахло свежим соком. С неделю, не больше.

А потом вода в подвале начала подниматься.

Она шла из-под пола, через швы между кирпичами, — не с реки, где её ждали, и за четверть часа дошла до щиколотки.

Лея взяла мешковину, свернула её в жгут, обмотала нитью — той самой, что шла под полом, — и подоткнула жгут под шов с обеих сторон, а потом уложила сверху щит, который стоял у стены. Вода надавила, шипела, прошла между кирпичами и встала.

И тогда Лея поняла, что она сейчас держит воду не нитью. Она держит её тряпкой и щитом.

Нить была цела. Нить держала по-прежнему. Но в том месте, где она тёрлась о кирпич, провис лежал в воде, и Лея знала, что бывает с нитью, которая сутки лежит в воде: она разбухает, а потом, когда вода уйдёт, садится и рвётся чуть выше мокрого места.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Значит, он.

Она выбрала щит, подобрала с пола обломок кирпича,

подперла шов в двух местах и вышла.

Дариан ждал её у лестницы.

— Вода стоит, — сказала Лея.

— Стоит, — согласился он. — Госпожа Марр, вы просидели на полу двадцать минут.

— Я слушала.

— Что?

— Что вода делает с кирпичом, — сказала Лея. — Господин Вельт, у вас в четвёртом столбе затес. Кто-то неделю назад снимал дерево ножом, сидел на балке и что-то там делал. Мешковина лежит.

Дариан не ответил сразу. Он смотрел на неё очень спокойно, и Лея вдруг поняла, что он сейчас решает, что ей сказать.

— Затес, — произнёс он. — Вы уверены?

— Уверена.

— Тогда мы это запишем, — сказал он. — В книгу.

— В книгу совета?

— В книгу совета, — подтвердил Дариан. — Итоги второго испытания: прошли все пять.

* * *

Вечером Тилла принесла в мастерскую пирог с рыбой и новости.

— В городе говорят, — сказала она, — что из списка двоих убрали по ошибке, а одну добавили по ошибке. И что ошибка эта — не случайность.

— Кто говорит?

— Писарь говорит, — сказала Тилла. — Молодой, Кест. Он вчера сидел в «Трёх веслах» и выпил три кружки, а я его знаю с тех пор, когда он был вот такой. — Она показала рукой. — Он сказал: «Мне велели вписать восьмую, я и вписал». Только он не сказал, кто.

Лея отложила ложку.

— А если его спросить?

— Его уже спрашивали, — сказала Тилла. — Сегодня утром, в Соборном доме. Кто-то из совета. После этого он выпил ещё три.

Лея встала и подошла к окну. Над Нижним кварталом висел туман, ровный, как одеяло, и в тумане где-то далеко, у воды, стоял северный столп с подушкой, которую вбили десять лет назад и про которую забыли.

— Тилла, — сказала она. — А кто в совете ведёт мастерские?

— Гарм, — сказала Тилла. — Мастер цеха. Он же твой долг держит.

— Гарму не нужна в отборе ткачиха из Нижнего квартала, — сказала Лея. — Гарму нужна мастерская.

— Ну?

— Ну вот и я думаю: зачем ему было вписывать меня в отбор? Если я выйду из отбора, я потеряю мастерскую. Если я останусь и провалюсь — тоже потеряю. — Она обернулась. — Ему было бы довольно просто выставить меня должницей. Вместо этого он дал мне семь недель.

Тилла смотрела на неё, и в её круглых тёмных глазах было что-то вроде сочувствия.

— Значит, не Гарм, — сказала она.

— Значит, не Гарм, — согласилась Лея. — И я не понимаю, кто.

Она легла спать в мастерской, на полу, и ей снилось, что она снова внутри столпа и что нить у неё в руках очень тёплая, живая, и тянется куда-то вниз, к воде, и кто-то на другом конце этой нити держит её и ждёт, пока Лея догадается спросить, кто он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.